

***Виталий Бурик***

***ВЕРОЯТНОСТНЫЙ МИР***

***Сборник стихотворений***

*Серебряная Нить  
Санкт-Петербург  
2014*

Подготовка издания – Виталий Бурик, рисунок обложки – Роза Строкова

## **Виталий Бурик**

Вероятностный мир. Сборник стихотворений / Виталий Николаевич Бурик . – СПб. : Серебряная Нить, 2014. – 122 с.

*В эту книгу вошли, как давший ей название сборник стихотворений «Вероятностный мир» (стихи 2008 – 2014 гг.), так и стихотворения из сборника «Многоточие» (2007 г.), поэмы разных лет. Сборник «Вероятностный мир» написан в годы учёбы в Литературном институте имени Горького, и во многом является результатом обучения в семинаре замечательного мастера, поэта Эдуарда Владимировича Балашова. Отдельное ему сердечное спасибо.*

Книга представлена творческим союзом Серебряная Нить в рамках проекта Голоса Времени. Координаторы проекта Людмила Жолнерович и Валерий Крайцев.

© В. Н. Бурик, 2014.

© В. Н. Бурик, 2014.

# ВЕРОЯТНОСТНЫЙ МИР

## Глава 1. ВПЕЧАТЛЕНИЯ

### ЖИЗНЬ ВЕЩЕЙ (отрывок)

Мир человека меньше, чем весь мир,  
Но даже он не пойман в сеть словами.  
Из вечного пространства чёрных дыр  
течёт душа незримыми глотками.  
И вот уже живут её теплом  
дворы, дома, и утварь, и бумага...  
Здесь вечности печать лежит на том,  
что тленности не убежит в два шага.  
Дитя земли, гунн с варварским лицом,  
справляет для коня седло из золота...  
Не первым ли всеобщим языком  
вещь рукотворная явилась в мир когда-то?  
Музеи, как пиратов сундуки,  
скупого рыцаря сразив великопепьем,  
хранят слова умелой той руки  
для наших глаз столетье за столетьем.  
И косность вековая вдруг течет,

И формы льёт дыхание стеклодува...  
Так мастерство приручит хаос, счёт  
расставит вешки в галереях Лувра...  
И будет человек лицом к лицу  
стоять перед началом всех историй.  
И с теми же вопросами к Творцу  
он обратится вновь: зачем он? кто он?

\* \* \*

Изгиб руки,  
и подбородок о ладонь  
опёрся, словно лодка о причал...  
О как давно  
мой голос не звучал  
так явственно, являя то, что мне  
осталось,  
словно старое вино  
от солнечных и виноградных дней...  
Его испей –  
шепчу – его испей,  
возможно, для тебя берёг. Но – вру.  
Скорей всего  
в беспамятстве забыл  
в глубоких и безмолвных погребях...  
Но вот –  
глаза лучатся и изгиб  
руки – как ветвь, где зреет виноград.  
Прозрачный  
солнцеликий виноград,  
что кровь согреет чувственным вином...

## К НАЧАЛУ РЕКИ

Осенних листьев головокружение  
Меня срывает с прочного причала  
И вспять реке несёт, в её начало.  
В несбыточное зыбкое сплетенье

Из снов и недомолвок обещаний,  
Из утренних тропинок слёзносных,  
Из щебетов и слов разноголосых,  
Из разноцветных прядей, рук касаний...

И кружит, кружит, кружит мой кораблик,  
И ищет пристань в дымке горизонта,  
И верит, что к тебе вернётся с фронта  
Мой оловянный брошенный солдатик...

## Глава 2. ТРИПТИХ ДЛЯ ДЕКАБРЯ И СНЕГА

### 1. Внутренний дом

Сознаюсь тебе, всегда не любил верлибры.  
Близится Новый Год, и это не странно.  
Чинность, спускаясь с небес, починяет крыши,  
чтобы было тепло, чтобы не занесло, чтобы было, как надо.  
Против порядка восстать  
и в будильник кинуть подушкой,  
встать спозаранку, по новому снегу топать,  
встретить того, кого надо, и непременно сегодня,  
может быть это тот самый, по-настоящему нужный...  
Дотронуться до руки любимой - разве не чудо?  
Под Рождество и не такое может случиться.  
Смотрим в глаза – интересная там передача,  
озвучить рассказом, что в эту зиму нам снится...  
...это как в долгой поездке на пересадке -  
кинешь взгляд на пейзаж, окруживший поезд.  
Он здесь останется – ты повезёшь его дальше,  
разве не чудо – теперь полустанков двое...  
Жар отоплений центральных  
пригрел изнуренное сердце,

муркает кот созвучно моим мотивам.

Грёзы жонглируют: дом, Новый Год, апельсины,

Бродский-поэт, и где-то на периферии,

ты, если ты не против моих иллюзий.

Можешь думать, что хочешь,

но, знаешь ли, я не об этом...

Это в танцах-романсах без визави невозможно.

Летом, таким беспардонно-щебечущим летом,

часто грущу о зимнем, холодном, беззвёздном

небе, слишком открытом, чтоб выйти хотелось из дому,

в форточку глянуть – и то наглотаться до одури воли...

Точь-в-точь как сегодня, где хочется остановиться,

подмять под себя пространство,

осмотреться на поле боя,

площадью не более стёганого одеяла...

Сам-свой, руки-ноги на месте, душа болеет,

пусть её кутает-лечит лоскут отстёгнутый неба,

под Новый год, когда небо так слишком открыто.

Открыто и мне и тебе,

убегать не пытайся.

## 2. Ленивая муза

Хворый быт. Аспирин и простуда.

Хочется легким быть, как капроновый чулок.

О поэте вдруг думается, уехавшем в Петербург отсюда,  
стихи писавшем про мышку, лук и чаёк.

Да мало ли что там, о чем думать, не всё ли  
равно, когда день, проснулся, а уже – два часа,  
в сени солнце лезет, как купчина в сани,  
с рожей разгоряченной по морозному дню прокатиться.

Декабрь. Ленивые мысли ползают в голове.

А пусть их ползают – лишь бы не плакали.

Капля по капле – разливаюсь по прошлогодней листве  
невоплощенных замыслов. Воплотить!

А надо ли?..

Об одиночестве написать, что ли? Скучно об этом,  
не лучше ли о несбыточном чем-то?

Не дожидаясь праздника весны, из клетки здравого смысла  
на волю, в болото грез, выпускаю музу, как ленивого бегемота.

Нужно спать. День – к концу, голова – к подушке.

Будут сны, не хуже похода в кино.

Эх, завести бы часы с кукушкой!

Она бы всё рассуждала про время, выглядывая в окно...

### **3. Верлибр**

Как мало снега, много холодов...

В назначенные временем часы

Вливаемся, отчаянно оставив

Мысль о свободе. С севера и с юга

Придут ветра, шепнув нам о прощании,

Которое уже забыть не нам...

В нём жизни больше,

Чем в грядущих встречах,

Ведь время лечит только понарошку,

Дорожку ли засыпав новым снегом,

Залив ли до краёв нам водкой память...

Но жизнь уже никак не излечить.

Она случилась с нами, вот так случай...

Она течёт по жилам тех деревьев,

Плоды которых, терпкие отныне,

Срывать не нам...

Для нас они – отрава.  
Мы отравились бывшим сладким ядом  
Задолго до крещенских холодов.

Она случилась, втиснув нас во время,  
Как в ложе оголтелого Прокруста,  
И без голов оставив очень многих,  
Желающих над временем подняться.  
Желающих идти своей дорогой  
Сочувственно оставила без ног...

Она случилась... Так чего ж бояться?  
Пугаться ли нам стоит фотоснимка,  
Что на столе под треснувшим стеклом?  
Чему там улыбается девчонка?  
О чём на миг задумался,  
Во взгляде стараясь спрятать  
Хитрый огонёк?

Случилась жизнь. Случайно, словно в кости  
Играет кто-то очень одарённый,  
Поднаторевший лишь в одном искусстве –  
Разбрасывать случайные дары...

Случайно, от рожденья и до смерти,  
В бессилии и волеизъявлении,  
В пороке или святости, в движении  
От цели к безрассудству созерцанья  
Мы плавимся, как воск в огне желаний.  
Из жерла времени лишь памятью о жизни,  
Однажды так случайно бывшей с нами,  
Мы выльемся на чистый белый лист...

1997 - 2013

### Глава 3. ИНЬ

\* \* \*

Жизни лодка, дальше плыви.  
Женщины не дали любви –  
Лишь решили – тут и живи,  
Разрешили – дыши, пиши...

Женщины колдуя в земле,  
На полей покатою доле,  
Знают – тайна в серой золе,  
Как бы ясно ты не горел...

На золе растут деревья,  
Из кофейной гущи – трава,  
Что права, как те дважды два,  
Хоть гадай, хоть в скирды кидай...

Женщины из чёрной земли  
Комья чернозёма несли –  
Дескать, мы с землею срослись –  
Всё – зола, мели иль молись...

Мелей бытовых водоём –  
Горизонтом. Так и плывём.  
Тучные луга-берега,  
Там, в корнях зола-чернозём...

\* \* \*

Для вас - в руке  
развёрнут аусвайс -  
так нужно жить,  
никак нельзя иначе..  
Для вас – лишь тень меня,  
и в Судный час  
для вас - слова  
о не моей удаче.  
Для вас из жил  
плетётся тетива,  
но вас пробить  
стрела уже не сможет.  
А может - нет вас?  
В мире - только я.  
Один. Без слов.  
Без мыслей.  
Как без кожи.

## БЕЗ ТЕБЯ

Просто глина внутри  
Вместо тёплых ростков засердечья,  
Вместо добрых травинок  
Проросших улыбкою глаз...

...и на ушко ни кто не нашепчет  
Рождённые нежностью речи,  
И никто не поверит в стихи,  
Будто в щедрый словесный аванс...

Как-то вдруг из моих  
Новомодных старинных ли сказок  
Убежали все лисы,  
Прикинувшись в ведьм под луной...

... а безжалостный молох рассвета  
Застаёт нас нагих и без масок,  
И глотает в тоскливые будни,  
Где остаться прикажет собой...

\* \* \*

Продолжение движенья  
По надпиленной роком доске.  
Распродажа надежд  
И предательство призрачных целей.

В этой местности пусто  
До стучащего эха в виске,  
В этих зимах бело и мертво,  
Как в остывшей постели.

Тот блажен, кто не помнит  
Обещанный праздник любви.  
Кто не грезит, закрывши глаза,  
Тем кузнечика вещею лугом,

Что живёт только в детстве...  
Не вернётся – зови не зови.  
Для непомнящих пух тополиный -  
Привычнее стылая выюга...

## САМООБМАН

Ты – красивая витрина, ты - роскошная витрина,  
Очень хрупкая витрина из богемского стекла...  
Говоришь – я – то, что ищешь,  
Манишь ближе – ну же! ну же!..  
Там, с другими – будет хуже...  
Только я – тебя ждала!  
Бархатистая обложка чудной книги «Будем вместе»,  
Ждёшь руки моей коснуться – ведь понравится, открой!  
Даром, что пусты страницы...  
Ведь с другими – только хуже,  
Может, ничего дурного  
Ты не сделаешь со мной...  
Но когда, как знак вопроса, я под дых пробит ответом,  
До несбыточного лета вновь потеряно молчать  
Буду долго, повторишь ты...  
Повторишь ты дважды, трижды...  
Из хрустальной синей жажды...  
И из бархатной надежды...  
«Ты не тот.. я так, от скуки...  
просто не люблю скучать».

## Глава 4. ЯНЬ

### СНОВА ВЕСНА

Пригрело. Без снега местами асфальт,  
Как будто без кожи...

И тащится, хлюпая лужами, март  
Навстречу проходим.

Весна – ничего. Не последний сезон,  
Дай Бог, мы встречаем.

Не верим, что завтра не будет, что сон  
застынет молчанием...

Но даже совсем рядовая весна  
Всегда единична.

Душе, соловелой от долгого сна  
Летать неприлично...

Но бьётся она, словно рыба в стекло  
холодной витрины,

И верит – вернётся с неверным теплом  
В свои Палестины...

## РАЗГОВОР НЕ ПОЛУЧАЕТСЯ

Я превращаюсь в зелёный кактус.  
Ты превращаешься в рыжую белку.  
Я в подоконник врастаю корнями.  
Ты убегаешь по веткам балконов.

Стукнувшись оземь, ты обернёшься  
белой берёзой, серой осинкой.  
Я превращаюсь в каменоломку,  
В дом прорастаю своими корнями.

Ветви берёзы или осины  
Вырастут и до окна достанут,  
Где, прорастая сквозь подоконник,  
Дом пробивая своими корнями,

Я из окна смотрю на деревья  
И разговор продолжать не желаю...

## ЗЕРКАЛЬЦЕ

Когда, к тоске приговорённый,  
Я выйду медленно из сгустка  
Машин и улиц, лиц и стёкол  
Гулкосверкающей Москвы,

Я зацепить прощальным взглядом  
Побольше постараюсь света  
Витрин, зеркальных отражений,  
И... зеркальце себе куплю...

И может быть в тисках отчаянья,  
В срок дней не ярких, но насущных,  
В заботах, снах без сновидений  
Я вспомню вдруг твоё окно.

И – зайчик солнечный отправлю  
По направлению на кухню,  
Где пьёшь ты чай с таким вареньем,  
Какого нет ни у кого...

## Глава 5. О НАС

### АНТРОПОЛОГИЯ

*...долго ли будут молчать*

*эти кости?*

*Т.С. Элиот «Пепельная среда»*

Ау, тайна бытия человека!

Где последний шаг

Сделала лапа зверя?

А следующий шаг – кто шагнул?

Ау, кости грядущего ископаемого!

Неужели вы ничего не запомните?

Неужели будете

Лежать смирно вечно?

Ау, любовь матери!

Где будешь завтра,

Самая сильная,

Но волю Неба не осилившая?

Ау, счастье влюблённых!  
Где твои дворцы, дороги и крылья?  
Летит путём ветра песок...  
Обнажает пустыня кости грядущего.

Ау, жизнь! Жизнь! Жизнь!  
Кто вспомнит о тебе,  
Прочтет тебя, скажет тебе?  
Пергамент готовила долго – слова на нём...

## КИТАЙ

Мы – Китай,  
Занимающий сушу, и воды, и небо, и сны.  
Нас лепи - пластилином ли,  
Глиной ли, вязкой смолой...  
Мы устали играть  
В государства, в историю, в женщин, в мужчин,  
Наши глотки иссохли  
Тебя выкликать из Богов.

Удивляться устали  
Твоей прозорливой руке,  
Своим хрупким костям  
И своей точно дымка любви.  
Мы писали  
Три тысячи лет друг другу слова,  
Мы искали три тысячи лет  
В ближнем ближнего свет...

Если нет ни на йоту  
В юдоли земной красоты,  
Отчего не велел нам

Уродства всю жизнь вожделеть?

Но иметь – не желать,

А желать – не иметь...

Горстью риса поделится

С каждым Великий Китай.

Мы – Китай,

И мы знаем, что это у нас не отнять.

\* \* \*

Землю в землю бросают

Помнящие ладони...

Тёплая ладонь

В стылую землю

Добавит горсть...

\* \* \*

Вянут сорванные цветы

Без воды – в тот же день.

Почему человек

Из души и плоти

А не из огня и железа?

## ВЕРОЯТНОСТНЫЙ МИР

Потеряться во сне.

Называть имена наугад.

В мутной вязкой воде

Не найти своего отражения...

Написать на стене:

«Был когда-то...»

Кто спросит когда?

В том, что был - ни какого сомнения...

На скрижалях, где перечень бед

Жизнь пополнила списком грехов,

Расписаться. Прочёл.

Ознакомлен. Прошу об отсрочке...

И шагнуть в стылую мутной воде

За условный порог

В вероятностный мир многоточий,

Стремящихся к точке...

## ЗОНТ

...И дождь наотмашь хлещет по зонту.  
И, сгорбленный, зонт плачет от пощёчин.  
Зонт рад бы провалиться в пустоту  
Небытия, сам чёрен и ничтожен...

Он не защитник. Если дно небес  
Вдруг прохунилось - где там чёрной кляксе  
Погоду делать... Но в привычке здесь  
За ручку неба-зонтика держаться.

\* \* \*

В пёстром пиджаке  
По мокрому асфальту  
Идёт Передонов.

Передонов идёт по вечернему городу.  
Передонов сворачивает на твою улицу.  
Передонов заходит в твой дом.  
Передонов садится за твой стол.

Передонов чокается с тобой  
И пьёт твоё вино ...

...с каждым глотком  
Наполняешься подозрением  
Что ты – Передонов  
В пёстром пиджаке...

## Глава 6. О НЕЙ

### СОСКОЛЬЗНУВШАЯ С КРЫШИ

О, славная моя!  
Когда б ты знала  
тот роковой  
и шаткий сделав шаг,  
когда с тобой  
простились девять окон,  
что отпустить  
земля тебя не сможет...

Когда б ты знала,  
как тебе по ней  
идти придётся,  
заново рождённой,  
и склеенной  
из битого стекла...

А ты твердишь –  
- не плачьте,  
мне не больно...

я встану,  
только сумочку мою  
найдите,  
там ещё была помада  
и карандаш, монеты,  
косметичка...

Ты встанешь. Ты пойдёшь.  
И каждый день –  
Считать шаги,  
Так, до изнеможенья  
Научишься...  
Научишься держать  
Своё дыхание ровно,  
В такт с дыханием  
Такой жестокой  
и родной земли,  
что не дала  
дыханию оборваться,  
однажды посчитав тебя  
за птицу, которая  
чуть-чуть не доучилась  
летать над ней...

...и верит, ждёт и верит  
Каждый день  
земля, такая плотная, скупая,  
что крылья вырастут  
и ты расскажешь небу  
о том,  
как может быть  
она добра...

## ОЖЕРЕЛЬЕ

*посвящение Е. М.*

Я дождём пробит насквозь,  
Мне б укрыться под навесом,  
Иль под космами берёз  
На краю глухого леса...  
И в желанной тишине  
Пусть мне штопает заплаты  
Та, что знает обо мне  
Всё, что я забыл когда-то,  
Всё, что прятал и берёг,  
Для неё суля в подарок,  
Что по кружеву дорог  
Сыпал горстью бусин алых.  
Собери поди найди...  
Но светла её улыбка –  
Ожерелье на груди  
Чуть дрожит на нити зыбкой...

## ДЕВУШКА

Она сегодня не знает  
Что будет через двадцать лет  
Что через двадцать лет  
Через двадцать лет  
Даже через десять лет  
Даже через десять –  
Как она может знать?  
И через пять лет что-то будет  
Обязательно будет  
В этой юной и долгой жизни  
И через год –  
Будет наверняка  
Обязательно что-то...

\* \* \*

Как зовут тебя? Имя своё скажи,  
Буду помнить, пока мы с тобой вдвоём...  
Птицей упорхнула шальная жизнь  
Не укрыв от стужи цветным крылом.  
И продрогшему как мне тебя согреть,  
На ветру, где наши знобит сердца...  
Где любовь спрягают со словом смерть.  
Где кровей течение до конца  
Застывая лавой, несёт слова  
В глубину, и вязнет в корнях земных...  
Где неправы мы – жизнь всегда права,  
На её ладони – пути двоих.

## Глава 7. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

\* \* \*

Как птицы весной, возвращаюсь на круги своя,  
Земле присягаю, небесное чуя сиротство.  
И снова ищу тот опорный гранит бытия,  
Что чувствам напомнит о древнем земном первородстве.

И льдов и снегов обветшалые злые поля  
Пусть плачут водой и смеются зелёным разливом.  
Пусть щедростью зреет скупая доныне земля,  
И радостью вспыхнет под солнцем поток говорливый.

И к этой земле я вернусь, разорвав пелену  
Зимы наваждений, холодной утробы покоя,  
И с тёплого камня на ближние травы взгляну  
В надежде увидеть сердечному лугу родное...

\* \* \*

В моём отражении просто живёт  
Тот юный мечтатель, кто ночь напролёт  
Выстраивал замки, чинил паруса,  
Кто карты, ожившие в книжках отца  
Осваивал, точно Колумб всех морей,  
И не было стран тех теплей и добрей.

Моё отражение не может понять  
Как может реальность так ранить и лгать,  
Как может не книжная жизнь невзначай  
Мой флот опрокинуть движеньем плеча  
В студёные бездны не книжных морей,  
Где слёзы приборов морских солоней.

И рокот утробный звериной земли  
Разбитые в щепки сглотнёт корабли  
Песка языками. До лучших времён  
Им будут пристанищем дюны и сон...  
Я сквозь отражение смотрю на пески.  
Средь дюн я надеюсь увидеть ростки.

\* \* \*

Бессоннице глядеть в тревожные глаза,  
Шептать: приди, приди, всему возможно сбыться...  
И сердце муштровать – любви просить нельзя!  
Она, как метеор, неожиданно загорится...

И так же не поймать, в руке не удержать,  
Она совсем ничья и вовсе не ручная.  
Но пустишься за ней сквозь ночь бежать, бежать –  
На краешке зари, как сон звезды растает...

## ПОСВЯЩЕНИЕ ОТЦУ

Всё труднее из памяти выхватить образ отца...  
Под снегами разлуки наш сад онемел сиротливо.  
По весне клейкий листик ладошкой не тронет лица,  
И не вспенится цветом трепещущим белая слива.

Десять лет как потерял последнего детства приют,  
Тот, что жил в его добрых словах и радушной улыбке.  
Мои грустные мысли ответа никак не найдут  
От чего в этом мире всё временно, смертно и зыбко...

И остались не пройдены вместе узоры дорог  
На бескрайней земле, по которой он хаживал мало...  
И остались нечитаны многие тысячи строк  
Среди книжных сокровищ, что в плевелах жизни собрал он.

И совсем не излито вино той сыновней любви,  
Что была взаперти, как казалось, до лучшего часа...  
Ветви сливы укором коснутся склоненной моей головы –  
Слишком поздно прощенья просить... слишком страшно  
прощаться.

## ЭПИТАФИЯ

*...посвящение А. Пивоварову*

Дрожащие ветки под снегом,  
Он мокрый и гнёт их к земле.  
Ты мертвый, ты отдан земле  
Коротким и призрачным веком.

Пусть воины прежних времён  
Восстанут в немом карауле.  
Молчание. Братья уснули,  
Дней бег не тревожит их сон.

Слова их несказанных гимнов  
Во славу неведомых битв  
Вдоль берега женских молитв  
Летят над макушками миртов...

На кладбище старом морском  
Живёт неприкаянный ветер.  
И сил никаких нет на свете  
Его успокоить силком...

И мокрого снега слюда  
Слезится по гнущимся веткам.  
Но ветер, что был человеком,  
Тот снег не стряхнёт никогда.

\* \* \*

Напомни дорожную песню...  
Напой и усни до утра.  
И утром проснись в неизвестность,  
На ухо шепни мне «пора».

И выйдем мы, словно нагие,  
В густой атональный джаз,  
Полынь и цветы луговые  
С обочины глянут на нас.

И в мареве звонами полным,  
Кивнём придорожным цветам:  
«Храните нас в мире огромном  
Дороги, доверенной вам...».

\* \* \*

Кузнечиковый луг мне снова снится.

Стрекозы, мушки, мошки, мотыльки...

Подкралась кошка, пёс в траве резвится,

И сто шагов до медленной реки...

Мечём игрушечным сражая куст полыни,

Бегу с пригорка в тени старых ив...

Те песни лета я храню доныне,

Ни ноты звонких дней не уронив.

Пусть ивы, как кузнечика ладошкой,

Укроют от обиды грозовой.

Пусть вновь у ног вертеться будет кошка,

И пёс, лизнув в лицо, бежит домой.

## СТИХАМ

Волгой-матушкой рекой  
речь втекает полноводно  
в моря вечного покой.  
Ей просторно и свободно  
там, где нету берегов,  
нет ни края ни границы,  
там, где сердца властный зов  
слову даст с любовью слиться.

## Из сборника «МНОГОТОЧИЕ»

### ИГРА

Мы поиграем с тобой в большой мир.

Будем целиться

в пластиковых коз

из духового ружья.

Мы попытаемся прожить за двоих.

Я – как будто бы за тебя,

Ты – как будто бы за меня.

Так и будем жить,

не спрашивая,

кто есть кто.

Понадежнее от ветра запахнув пальто,

пройдемся по улице,

посматривая вокруг,

перещелкнув затвор.

Пять шагов... А вдруг?..

Всё вокруг да около нас самих.

Где-то лай одинокого пса стих.  
Где-то легкие чьи-то слышны шаги.  
Говорю тебе: не беги, ни к чему.  
Дорога к дому. К нему  
незачем спешить.  
Научаемся жить  
                  неторопливо,  
                                словно играем в лото.  
Мелочь соберем. Не то все. Не то...  
Научаемся играть  
                  в большой,  
                                большой мир.  
Наша новая книга —  
Азбука, зачитанная до дыр.

## НОВЫЕ РАЗГОВОРЫ, ИЛИ ПОПЫТКА БЫТЬ СОВРЕМЕННЫМ

1.

оглядываясь на прошлое как говорят обычно  
стихом весьма вольным беспомощным вагоновожатым  
трамвая который давно уехал  
по мостовой дребезжа словами

вам ли понять не понять ли спуда  
стылых дорог под которыми ожиданье  
новых дорог под которыми ожиданье  
ведущих к победам дорог под которыми...

не будем говорить вот и приехали  
не занять да не выплакать в вольном слоге  
да и не надо а то ехали ехали привыкли вроде  
вот и продолжим гонки на кониках гарцеватых

2.

рефлексируя массовую культуру  
кухонным скальпелем по суконному рылу  
дешёвым калачом по испытанному ряду  
где жуют поп-корн мы присядем рядом

там за стройными рядами по аллеям парка  
с демонстрацией не мод а так просто первая  
мы гуляли пополам с простой работой  
с нами вместе – весь народ транскомсомольский

агитаторы горланы улетели  
закурлыкали и ну махать крылами  
хватать нагую – правда в том же чёрном теле  
и всё так же ходит нищенкой меж нами

3.

уж не мы ли мыли раму перед пасхой  
уж не мы ли разукрашивали яйца  
уж не мы ли натащили декораций  
уж не нам ли в чинном прошлом не укрыться

только ветер подгоняет как двенадцать  
как израилевы гордые колена  
всё идём и всё пустыня под ногами  
избежавшими египетского плена

оглядываясь на прошлое через кривое стекло  
(может сказывается оптика постмодерна?)  
в парке из мраморных рук выдираю весло  
и гребу туда, где ещё не всё надоело...

## ПОХОД В МЕЖСЕЗОНЬЕ

Мимо белого света да всё на подножном ветру,  
Да с неясной тоской, от которой светло не бывает,  
Лёгким листиком свёрнутым к вашему никну двору.  
Ко двору ли пришёлся или дворника воля такая...

Проводили когда-то с порога как многих других,  
Караваем снабдили на долгий обед лихолетья.  
За спиной тихим взрывом лязг засовов и петель дверных  
Возвестил межсезонье железным своим междометьем...

Карфаген и Афины спят в испарине памяти толп,  
Школьный глобус помят пролетевшим случайным болидом.  
А роденовский малый всё морщит пред вечностью лоб,  
И нельзя расспросить... молчалив, до слезы, до обиды...

Силой мысли не двинется, путь не укажет во тьме,  
Лишь морщины на каменном лбу станут глубже и жёстче.  
Средь камней и людей по истоптанной миром земле  
Я чеканю иероглиф себя, с каждым шагом всё чётче...

\* \* \*

Дорожная жизнь и люди кутаясь в пледы  
Улеглись в печали словно дети под ёлкой  
Не дождавшись сладкого и деда мороза  
И в такие морозы видят сны про волка  
Он аукает всё по дырявым дорогам  
Где легко потеряться выпасть  
В пасть на зубок попасться...  
А они спят и волка совсем не боятся  
Трын-травы наелись дорожные сны им снятся

\* \* \*

(ВОСЕМНАДЦАТИЛЕТНЕЙ БЛАЖЕННОЙ)

Разрешите представиться,  
Случай представился.  
Я ношу ещё сердце,  
Как паспорт в футляре груди...  
Я хочу рассказать вам ...  
И может быть,  
Где-то понравиться  
Между сном Кастанеды  
И строчкой Салмона Ружди...

Долгота наших строчек  
Пунктиром следов окровавленных  
Будет плакать и плакать  
О том обетованном дне,  
Когда все соберёмся  
В саду, ненадолго оставленном,  
Без пригляда, без нас,  
В той последней и первой весне...

Ледените шагами  
Зыбучие хляби небесные -  
Пусть звенят под ногами,  
Как хор колокольцев земных.  
И да выдержит вас  
Та высокая шаткая лестница,  
И да выдержать вам  
Откровения слов грозových...

Ни согреть, ни укутать  
В меха, лишь смешные каракули  
Из сердечной отдушины  
Льются на лист сгоряча...  
И как много и многие,  
И как о многом не плакали...  
И как быть иль не быть.  
И как в двери войти без ключа.

\* \* \*

*...когда состав на скользком склоне*

*от рельс колёса оторвал.*

*В. Кочетков «Баллада о прокурённом вагоне»*

Минуя тамбуры, вагоны,  
Сличая лица пассажиров,  
Ты смотришь в сумерки меж полок,  
Ты видишь блики на стекле...

Ты смотришь, видишь... Ты уходишь...  
Идёшь упрямо в хвост состава,  
Как будто можешь отступленьем  
Вернуть прошедшее... Во мгле

Нечеловеческая сила  
Больными жгучими стихами  
Смешала всё, судьбу сдавила  
В железной рельсовой петле.

Пока вы живы – будьте с нами,  
Пока мы помним – будьте с нами,  
С любимыми не расставайтесь

Здесь, на прокуренной земле...

И если – не назвать словами,

И если – не поверить в чудо,

И если – поезда движенью

Себя безжалостно отдать,

То встречи после расставанья

В давящие хрупких наших судеб,

Быть может, нужной самой встречи,

Мы можем вовсе не узнать...

## УДЕРЖИ НАС В ЗЕНИТЕ

Выпей боль мою, доктор,  
По капле, по капле, до края,  
До последней невидимой  
Главной и строгой черты.  
Ты задел нас лучом  
Ненароком, в пятнашки играя,  
Скинув солнце с зенитной,  
Не взятой в прицел, высоты.

Обожжённых любовью твоей,  
Нас, увязанных в круг,  
Что заложников детства,  
Чем теперь остудить,  
Осудить, очернить, отобрать  
Златоярую боль,  
золотого Ярила наследство,  
до которого им  
из зениток своих не достать?..

До черты, до последней,  
Неведомой, строгой и главной,

Мы несём её тайно,  
И явно печём куличи  
Из ненужных словес  
Для небес этих сильных, державных...

Доктор, будь милосерден,  
От холода бездны бесславной  
Удержи нас в зените,  
Любовью своей излечи.

## СНОВА ОСЕНЬ

Марево–хмурево,  
Ветром остужено,  
Как приострожено  
К стылой стене.

Пепельно выжжено,  
Да оторочено  
Листьями рыжими  
В пасмурном дне.

Осень озёрами  
Смотрит всё на небо...  
Плачет ли небо  
Над нами за нас?

Спросишь у ясеня,  
Спросишь у облака  
Облако всхлипнет –  
И дождик тотчас...

Где-то всё виделось,  
Хожено-вспахано,  
Сказано-слышано –  
Сколько ещё?

Лишь утвердительно  
Ельника лапами  
Ветер качнёт –  
Повторяется всё...

## ДУХ ГЛУБИНКИ

Где мертвеют за ужином  
день ото дня, навсегда,  
взгляд уткнув,  
словно в ножны, в закат,  
а из окон на улицы  
лёт лицемерный покой,  
быть рекой или солнцем,  
иль рыбой, иль птицей,  
не посмеешь уже никогда...  
И лишь эхом в проулках застынешь  
оконною тусклой слюдой...  
Отодвинься, костлявая,  
сшит твой костюм не к лицу,  
фрак твой вечный надеть  
мы успеем – была бы охота.  
Слюдяное оконце протру  
по утру и снесу  
стылый ворох тоски  
догнивать далеко на болото...

## В ДОРОГУ

Покинуть этот город...  
Словно встарь,  
Пуститься в путешествие морское.  
Покинуть этот город.  
Календарь  
Как якорь взять уверенной рукою,  
И бросить  
В пункт означенный и день,  
Оставив тень  
Топтаться на пороге...  
И плыть от надоевшего «теперь»  
К большому «Там»...  
И вспоминать о Боге...

\* \* \*

И ты её пройдёшь до половины...  
И половица скрипнет слишком гулко  
Для лёгких тех шагов, для часа грёз.

И всё – всерьёз. Надменные витрины  
Отпустят манекенов в переулки –  
Потрогать лепестки дворовых роз.

А где-то между часом и минутой  
Промчатся молчаливые секунды  
И полночь тенью под ноги падёт.

И ты в неё войдёшь. Из дымки мутной  
Ты выудишь вдруг тень лесной осмунды,  
И папоротник ало зацветёт...

Всё утром скроет дворника работа.  
Все утром скроят улице наряды  
Из ряда скоротечных небылиц,

Из утренних трамваев до завода,  
Из тех простых и будничных раскладов,  
Что запросто мечту кидают ниц...

## ДЕВУШКИ КИТАЯ

Девушки Китая –  
Маленькие лисички  
С печальными глазами  
И призывной улыбкой...

Часто – с неровными  
И крупными зубами...

Девушки Китая –  
Мужская деловитость,  
Гуттаперчевая гибкость.  
Лилии, цветущие вечером.

И как лилии – вянут,  
Превращаясь во взрослых,

С усталыми глазами,  
Неизгладимыми морщинами,  
Виноватой улыбкой,  
Будто силясь вспомнить

Нежное время,  
Будто желая донести

Ветерок той свежести...  
Будто говоря:  
" – Эксюз ми, я была бы рада,  
но, – эксюз ми, это – не я..."

## ЛИВНИ

*...моей жене Римме посвящается...*

Сны далеко унесли нас.  
Гулко и сильно дышит ночь.  
Мерно и мирно тикает час,  
катится время от нас прочь.

В омуте мути погас день.  
В облаке пыли город затих.  
Прыгнули двое через плетень,  
кто там подхватит этих двоих?

Сны им шептали: лететь вам  
по облакам не смыкая глаз,  
ветрено-вольно вашим словам  
ливнями литься в полуночный час.

Тёплыми ливнями... Там, на земле,  
жадные пашни пусть пьют стих,  
слог, недосказанный сонной мгле,  
ритм не размеренный на двоих...

## БОЛЬШОЕ ПИСЬМО ТАНЕ ЗИМЕ

картинка из архива внутреннего взора -  
фотография в очках и с открытым умным лбом  
на сайте в интернете в компьютере в кабинете  
это современный писатель татьяна зима  
я мог бы сказать и писательница  
но я не буду говорить писательница  
так как по-английски мэн это человек

и где этот человек-писатель тая зима?

мисима любил смерть андрогины не любят смерть  
любят любовь и красоту не надо их мучить ругать  
за то что они такие сквозь кожу хотят прорости  
в любимых родных самых близких погладить их сердце  
стать полной возможностью матрицы будды  
в больном этом теле покуда мы в теле  
пускай его любят тоже за бренность за тленность

за вечность грядущего духа которому впрочем  
не до и литературы который возможно  
совсем усмехнётся на прошлое глядя с высот –  
- ах всё было случайно а думали думали  
долго гадали гадали и все потихоньку прошли мимоходом  
и по одиночке а нужно то было ладони над каждым держать  
как над свечкой церковной

и гладить его воспалённое сердце,  
оно, как и всё остальное, пред вечностью чисто  
пред мерзостью века звериного как баловство дитяти  
все наши интриги любви паяцы и геи и гейши...  
не надо их злобно клеймить не на то дано слово

мы этим живём носферато ведь тоже не ведал  
как жить по-другому однако любил без отрыва  
от венки дрожащей надкуснутой вкус этой жизни

писатели нас понимают работа такая  
такая работа татьяна зима современный писатель  
так мудро глядишь агасфер андрогин носферато  
и если всерьёз говорить то не хватит ни строчки ни ночки  
ни этого талого снега ни будущей осени рыжей...

\* \* \*

*...посвящается О. С.*

Выпускали птичку из клетки,  
И глядели – ах, высоко...  
Высыпали семя из чашки,  
Ждали на дорожках траву...

А зачем летит в небе птица?  
Разве что измерить простор...  
А зачем трава на дорожках?  
Разве голым пяткам топтать...

Истоптали пятки тропинки,  
За оврагом – степь да ковыль...  
Излетала птичка все дали –  
А за облаками – облака!

А в руке моей – пустая чашка,  
Вновь весна, а клетка пуста...

## МОЛИТВА

Поскольку преступно не верить  
Поскольку сегодня темно  
Поскольку на перепутье  
Заломы из мёртвых стволов  
Отцветших вчера деревьев  
И в колодцах протухла вода  
Молю Тебя дай мне веру  
Молю – не оставь навсегда  
Взываю из толщи неверья  
Из мрака небытия  
Нарисуй мне дверь нараспашку  
Нарисуй вошедшим меня  
Проведи сквозь шорохи ночи  
И сквозь шум суетного дня  
Омой близорукие очи  
Не остави живого – меня  
Погрязшим в пустом славословьи  
Увявшим в жажде побед  
Напомни что жизнь – предисловье  
И в ней остановок нет...

## ПОЭМЫ

### ДЖАЗ

поэма

*Эти стихи посвящаются нашим надеждам,  
какими они были в юности.*

### Пролог

Жажда купаний в лунном свете  
в реках вчерашних нот  
вниз по течению  
маленький ветер плывет.

Ночь уплывает всё дальше  
в лодке из тысячи тёмных окон  
и нескольких светлых,  
одно из которых – твоё.

Жажда красит губ тон и пьёт.  
Ещё глоток алхимии ночи –  
здесь полночь пробирок.  
Ещё удар – полночь пробило.

Часы над Темзой.  
Сонный покой.  
Полпути пройдено  
черной водой.

И не находит опоры взгляд  
в зыби тумана. Эй вы, назад!  
открывшие окна в такую ночь,  
вернитесь к любимым, качайте дочь.

Пусть себе дальше  
плывет наш джаз  
вниз по реке  
поющей за нас...

*Эталонный гринвичский меридиан – точка отсчета времени  
современной техногенной цивилизации. Не здесь ли начинается  
музыка сфер нашего измеряемого и просчитанного на сто  
шагов вперед бытия?..*

## **Начало**

...на память. Из Гринвича.

На ладони –

бесформенный слепок,

оплавленная свеча.

Помнишь –

моторы,

надсадно у-р-р-р-ча

ждали – желали

– железным маршем

марево ночи

по плацу размазать?

Залпами

фары

стреляли

- мимо! – сирена выла...

А было в точку.

Сегодня было.

Выпал свечой из рук

осколок

меридиана

Гринвича...

### ***В ожидании***

Открылось окно.

Ливнем разбуженный,

ты ждал, ты жил

в запоздалом молчании.

Отчаяния блик растворился

в стеклах часов —

истекала сомнений минута.

Волнение

сменила радость —

стены и двери, стол и бумага,

- всё было в предчувствии -

джаз уже рядом...

Сонно глотая слова,

вспоминал чьё-то имя,

долго спички искал,

и — застыл в изумлении,

давнего гостя узнал.

Вспомнил – когда-то

вот так же сказал:

с этого дня,

ночи и дня,

начинается джаз...

Что ты мне скажешь

сейчас?

## ***Утро***

Проснись!

Мы долго ждали

музыку сна,

снега, поющего песню о нас,

джаз – это стук

миллиона сердец,

выстукивающих в резонанс

ударам

небесных колоколов,

звукам

натянутых нитей весны,

это —  
расколотый горный хрусталь,  
звнящий до тех пор,  
пока  
мы будем идти с тобой в ногу.  
Ну же, проснись!  
Вслушайся - в нотах  
нового утра  
джаз — это мы.

*А дождь всё лил и лил. Мы смотрели на него из окон,  
из под навесов, да и в открытую, поднимая лицо к небу  
и ловя губами его упругие капли... (Из фильмов А. А.  
Тарковского)*

### ***Дом дождя***

Дом. Лестница.  
Гость без лица  
вошел, пододвинув  
в передней стул.

Сел у окна.  
За дощатой стеной,  
где живет тишина —  
дробный стук.  
Вдруг раскололся  
на тысячи капель  
хрустальный шар.  
Чей-то чуть слышный  
на лестнице шаг  
вторит в комнате  
тени шорохом.  
Ворохом листьев  
клен ответил.  
А лестница — скрипом...  
Поднявшись со стула  
гость вышел.  
И дверь тишину разломила.  
Букет лакированных вишен  
сквозь промытые стекла  
стучался... Шаги —  
всё тише,  
и — стихли.  
Ты — слышал?

*Желание новизны – примета юности.  
Бред реформаторства – примета патологии.  
Наша история подобна влажному следу,  
оставленному улиткой на асфальтовой  
дорожке парка...*

### **Бриз истории**

Звуки едва слышны... Лютня или валторна?  
Многоголосье двенадцати лун,  
двенадцать тысяч испетых песен,  
семь миллионов сказанных слов,  
и не единого звука мне не досталось не тронутым...  
...Остались – обноски вчерашнего шторма,  
выполощены, высушены...  
Как серебро зеркал – мы по ту сторону.  
Что искал в моём отражении Всевидящий,  
когда я был вывернут на изнанку,  
сказавши “спасибо за всё!”?  
Я шёл, наступая на чьи-то пятки,  
таких же, как я – невидимок,  
бредущих рядом со мной.

И что я тогда здесь умел?

Может быть, я умел видеть?

может, умел я

кричать,

петь,

выть,

вить,

жить...

Скажи мне, взаправду могло это БЫТЬ?

Догадка – мы шли в зазеркалье,

под девизом – “прошлое – детям”,

твердя – никогда, никогда не бывает:

чёрного мела, мертвого смеха,

старых детей...

Но за тысячи дней

до рожденья Кто-то уже сказал

своё последнее СЛОВО.

.....

А мы – Его разрешение

на долгие повторения.

*Ожидание – одна из немногих стихий,  
которая известна человеку в полной мере...*

## **Жёлтое электричество**

Вечер – пора жданных встреч,  
ночь – обманутым врач.  
Уставши за день,  
прочь мчится вскачь  
время света.  
До рассвета бессонным – дрожь,  
до рассвета спящим –  
незримая тень рядом с телом,  
заложённым в тёмный ломбард.

Бард вечера вече собрал  
над погасшим огнём,  
пред нами поёт о надежде,  
пусть ночь утешает...  
А днём – опять перебранки  
различных стихий,  
мудрость слепцов,

перезвон тяжких гирь,

извечная трата минут

в ожидании тепла...

Стрелы времени в колокола

бьют без промаха. На потолке

дрожит электричество жёлтое,

ржавчиной ожидания изъеденное.

И мнится жителям желтого вечера —

в один из таких вечеров

в тёмно-синем плаще

выйдет на сцену Сиятельный Граф,

провозгласит рецепт от тоски,

расколдует, прикажет

не верить гаданию по лампочкам,

и по секрету расскажет,

что в Гринвиче выключен свет,

и несколько сладких часов

все могут спокойно спать...

...и могут на завтра надеяться

в один из счастливых миров

заветную дверь отыскать.

## **Отче**

Мы все — его дети.

И те, кто помнит,

и даже

те, кто забыл.

*Никакое движение невозможно без компромиссов.*

## **Жертва**

Бег застыл.

Вверх —

было поздно,

а вниз — нельзя.

Глаза глядели

как два немых

затравленных

зверя.

Кто,

кто убил

эту музыку?

Уж не мы ли?

Бег рванул вверх  
- поскользнулся -  
напрасно...  
Стёкла забрызганы  
чем-то  
знакомо-красным.  
Где это, где?  
не вижу!  
...отмыли.

*А, собственно, не всё ли равно, о ком эта история?*

## **Музыкант**

Всегда один.  
В минуты приобщения  
к дыханию небес  
он был один.  
Он был один,  
когда горели крыши  
домов, построенных  
назло его проектам.

Он был один,  
когда пришла пора  
на наш алтарь  
нести свои творения,  
руками кровотока  
по ладам.  
И, разделяя судьбы  
прочих смертных,  
он в судный день,  
в глаза не глядя ветру,  
был одинок.  
И плавилась  
молитвы парафином,  
а мир смотрел  
торжественно и глухо,  
как он восходит  
без перил. Один.

*Идея возвращения на протяжении тысячелетий  
вплетается в сюжеты самых различных культур Земли.*

## ***Твой Гринвич***

Твой берег похож  
на янтарный пляж,  
но море его не погладит ладошкой.  
Твой берег живёт  
по законам сказок,  
и ждёт, беспокоя твою бессонницу.  
Твой берег не верит  
в заученность фраз,  
он верен лишь нотной твоей геометрии,  
лишь первым звукам  
зовущего джаза,  
кричащего о своём рождении,  
влажного и звенящего,  
как капли дождя, упавшие  
на жаждой томимый песок.  
Твой берег, твой Гринвич,  
твой дождь и песок...  
И сколько лет ждёт этот дом на песке?

*И в новую эру,  
и в древнюю веру,  
в медвяную реку  
по вечному року  
вернись новой нотой,  
вернись новым словом  
и новым ударом часов.*

*“Вот я и дома!” – с этими словами прыгнуть  
на тахту и поставить диск Луи Армстронга...*

## **Эпилог**

Маленький ветер уплыл  
в нарисованность трав на холсте.  
Легкие крылья раскрыл,  
песней полуночи став,  
аккомпанируя шороху трав  
дыханием ветвей.  
И мы твердо верим -  
эти шаги нового джаза,  
вечного джаза,

будут всегда слышны —  
вечная легкая поступь  
сына земли, огня и воды.

Мы говорим ему:

*в этой реке — наши сны...*

*Вдоволь испей и вернись*

*тополиной листвой*

*вверх по течению,*

*к шепоту детских губ.*

1990

## ПУТЬ ПАЯЦА

(поэма–диптих)

### 1. Сны

Вот голова быка. Вот дом.

Не твой, но может быть тебе знакомый.

Вот ты. Твоя тропа нагрета солнцем так,

Что голым пяткам невозможно

по ней идти. И ты неисправим.

Ты ищешь две подковы –

лишь две на счастье для двоих.

Ярко-солнечные видения заставляют быть новым.

Постоянно – новым, очищенным до белезны иссушенной

солнцем и отшлифованной ветром кости. Но как ты

беззащитен перед теми, кто видит лишь иссушенную солнцем

и отшлифованную ветром кость...

Бьет в глаза, бьет в голову, бьет под дых

испепеляющий свет украденного у солнца луча.

На солнечном аркане день бьется,

словно пойманный мустанг,

и за холмы, сорвавшись, мчится.

Паяц, смыв грим, укладывает в сундук  
оброненные кем-то на дороге слезы, подобранные им вчера.

Он любит день. Но ночь – его манит, поет, печалит,  
стережет, страшит, и без остатка пьет из чаши  
опрокинутого неба...

Вот он в вагончике по улочкам глухим плывет,  
боится крикнуть, ночь порушив. Спите.

Вам остается: сон, любимых теплое дыхание,  
пуховых одеял пылящее тепло и  
в форточке - сквозняк...

Ему осталось: кибитка, цирковой свисток,  
свеча и корочка луны, ненужной вам, поскольку не достать...

Возможность быть счастливым,  
как джаз-рондо сливается в одно с кибиткой, сном, луной  
и лентой оловянной луж дорожных...

...к чему о том жалеть, идущему – тропа.

На дне кибитки откопав бинокль,  
наш клоун смотрит в мир. Но вот досада! -  
стекла пыльные разбиты,

и нужно самому идти, чтобы понять...

Так движется кибитка, то под уклон,  
то парадоксом, вверх, когда, казалось бы,

на лошадей надежды мало...

Исчерчено наискосок ветвями восковое небо.

Воркуют голуби, они – хозяева большой страны,  
свободные пока живые, ты им чужой.

В квадрате стен, пропахших хлороформом,  
стол, кресло, книги и кровать.

Нащупал ключ в кармане и открыл  
тихонько дверь. Что там?

В квадрате стен – стол, кресло, книги и кровать.

За сотни лет затасканный сюжет –  
из геометрии предметной выходы искать...

Малыш, нить времени оборвана, пора!

вслед за актером цирковым  
идем, оставив там, за дверью,  
груды надежд и вёдра упований,  
вериги самоотречений, нелепых и ненужных, как игрушки  
карлика.

Иссушенные губы ждут поцелуя в квадратах обитых коврами  
стен.

Маленький рыцарь времени авто и газа,  
где твой затерянный в торжищах герб?

Я дам тебе руку. Идем.

Мучительно не видеть красоты.  
Вдвойне мучительнее вдруг,  
без подготовки, на правду взор направить свой,  
случайно, мимоходом, без страховки.  
Родился. Должен. Числился. Обязан.  
Как лента в голове магнитофонная.  
Но рвется лента, как ручей, однажды пересохнув. И ты  
под куполом.  
Один и без страховки.  
Со страхом лишь. Мучительно...

...Но линию напишут на дороге  
кибитки клоуна колеса, под прошлым подводя черту.  
Еще одну извилистую вмятину на старой колее.  
Эпоха агни вырывает мальчиков из сладких детств.  
Им суждено песком большого замка стать,  
рассыпавшись при первом дуновении  
истории шального ветерка.  
Они в неведении решимости полны,  
идут, срывая по дороге гладиолусы,  
бросая под ноги легенды и цветы,  
и веря в превосходство черных галстуков  
и сюютов дорогих.

“Весь мир – для нас!”, - запальчиво скандируют,  
не ведая, что где-то далеко  
на них есть план у Главных Потребителей  
(у них всегда на нас растут потребности).

И снова: ключ в руке, и кресло, и стакан,  
наполненный напитком для меня,  
в котором есть удел непонятых – забвеньё.  
Держу стакан в руке, и вдруг – швыряю в стену.  
Мой выход. Бью стекло ударом тонких струн,  
и вслед за клоуном, под хохот вследирующих,  
за призрачной игрой янтарного луча,  
за корочкой луны, которой не достать!

Магнитофон всё еще крутится в пустой комнате,  
проворачивает шестереночки, не издавая кроме этого ни  
звука. Вот так. На износ... Меня здесь нет.

Но там...

Там голова быка на фоне стратокастера,  
паяц при свете дня играет марш на дудочке,  
завязаны глаза возвышенным романтикам  
– они во тьме,  
а в колыбелях щурятся

малышки пухленькие, розовые  
– их нам знакомый луч задел крылом.

Где-то молятся. Где-то говорят слова любви.  
Где-то за водкой очередь и на тротуаре – свежий, еще не  
растоптанный плевок...

и ключ потерян сквозь карманную дыру,  
а с ним – стеной уют, стол, кресло, книги и кровать.

Бежать,  
бежать быстрее!

Как летит кибитка!

Уклон все круче, рыцарь в небо взмыл,  
не в силах взгляда оторвать,  
все круче задираешь голову и...  
...навзничь падаешь.

В разбившемся стакане  
ты слышишь голосок магнитофонный:  
“Спокойствие! Спокойствие храните.  
И не волнуйтесь, граждане! Он умер”.

Проснувшись, понимаю, что воскрес.

## 2. Возвращение

Кибитка у реки. Водораздел времён.

А он – смывает грим. Сегодня он вернётся,  
лишь реку перейти осталось вброд.

Кибитка у реки. А лошадей – на волю.

Довольно истоптали вы подков,  
пусть каждая – на счастье поистёрлась.

Ты смотришь, как течёт вода.

Всегда так смотрят, возвращаясь. Плакать  
не надо. Это лишь вода смывает грим,  
под ним – украденные по дороге слёзы.

Не надо плакать. Корочка луны  
по прежнему в реке тебе видна.

Возможно, в эту ночь вернулась и она.

Вот берег родины. Оставишь за рекой

кибитку, лошадей, и сны о лунных грядках...

...и дни шальной игры бегущего луча,

тебе подаренного щедрым рыжим солнцем.

Стоишь. Глядишь вокруг. Зачем ты убегал?

Насколько схож пейзаж, что видел на чужбине...

Ни этот ли покой твой слух ласкал?

А может, вкус воды и хлеба там иные?

Ключ найден и карманная дыра  
заштопана вчера попутным ветром.

И ты опять один.

- Плюнь, это не беда.

Ты знаешь, есть места, где ждут тебя всегда, –  
- так Мотылёк сказал. – Я раньше был Улиткой,  
но истину открыл в речной прохладе зыбкой.

Та истина - награда за игру.

Хорошую игру, где важно обещание  
оставить грим в пути. Идти. Бежать. Лететь.  
Домой прийти собой, не больше и не меньше...

.....

Ты, кинув в зеркало реки прощальный взгляд,  
увидишь крылья за спиной.

Всё – не напрасно...

1990 - 1996

## БЕГЛЕЦЫ

Солнце осыпалось пылью на огромных башенных часах.  
Незыблемая башня. Ветры обходят ее стороной.  
Зной сгущается тревожными бликами в твоих зрачках.  
Какая-то странная поволока  
превращает мой взгляд в абсолютно чужой.  
Словесная сила иссякла. Засуха, танец змей.  
Песок - не сахар, хрустит, но не сладко. Жар.  
Бредит пустыня, качая остовы ковылей.  
Как опасная мысль, ядовитый скорпион  
в двух шагах от тебя пробежал.  
Я хочу прикоснуться к твоим губам кончиком языка.  
Пока не спалила пустыня, ощутить прохладную влажную ночь.  
Дальше может быть хуже ли, лучше - не знаю пока,  
но бежавшим из башни любая дорога - прочь.  
Изысканный автомобиль я для нас уже подыскал,  
он сделан из монолита, гранитный, надежный, большой.  
Вот только не едет, сколько его не толкал -  
не двинется с места. Что ж, нужно искать другой.  
Вино! Вот - вино. Скорей же наполни бокал.  
Но что это - сыпется сахар, нет, впрочем, песок.

Видно, демон пустынь из этой бутылки лакал,

и с нами решил поделиться, оставив добрый глоток.

Глаза, лишь глаза не солгут - убегут, убегут.

Смотри же в меня, я в тебя - чувствуешь

- мы летим!

Как звери, без слов, без сомнений

мы уйдем, и нас не найдут.

Забудь про башенные часы -

*мы уже далеко от них.*

1994

## АННА В БЕРЛИНЕ

*Анна, я Вас не знаю.*

*Вы писали.*

*Вы мне писали?*

*Ваш дневник прочитан.*

*Может, необходимо*

*попросить клочок ваших волос на память,  
и в попытке прочесть завитки ваших мыслей,  
трогать, мять волосы в пальцах,  
читать, как читают слепые - руками...*

### I.

По глобусу  
бескрылыми мухами ползаем.

Факт остается фактом.

Женя пропал в Ж.,  
так и не доказав обратного.

Куртуазно маньясь,  
постмодернисты  
отступают от-,

наступают на-,

предлагают сверх-,  
а Земля всё та же,  
разве что местности  
различаются  
по присутствию в них  
некоторого количества Жени Ж.  
Так “тварь или нет”?  
“Или право имеющий?”  
Женя смотрит глубже,  
на дно стакана коктейльного.  
Дух стоек в этой стране.  
Над каждой трущобой гордо реет  
ежели не Федор Михайлович,  
так тень его.

Она ушла.  
 Может, это была Анна?  
 Женя, не плач.  
 Женя сам себе палач.  
 А Анна? Где Она?  
 В Берлине.  
 Знавал я одну Анну когда-то.

Была крылата.

Маленький воробушек,  
напуганный шумом  
бестолкового города...

## II.

Ах, да! Я отвлекся от темы.  
Любому Жене Ж никто не поможет.  
Никто не спасет, не избавит  
от однозначного решения дилеммы.

Небытие, как примета  
постмодернистского быта.  
Воспоём суицид –  
к чему по-настоящему  
отраву-то жрать?  
Европу XX тучей накрыло  
плотно-мясное слово “либидо”.  
Вот вам и перпетуум-мобиле,  
к чему ещё что-то искать?

Ребенок понял,

что остался один,

и обозлился.

Маму с папой

назвал дураками,

все игрушки сломал.

Анна! Ваш учитель из снов

опять с вами.

Китаец Чан-Чак-Чук

на лихом коне прискакал.

Он сквозь путы всех

генетально-извилистых,

трогательных, как мурашки по коже,

премудростей взрослой игры,

шлет вам привет.

Говорит – где-то, где-то

твои мечты, Анна,

только твои мечты.

### III.

Небо над Берлином  
кинематографично.

Серое, сырое.

А вокруг – люди всё, люди.  
Люди на простертой дождю  
ладони какого-нибудь плац.  
Небо летит над тобой,  
самым большим самолётом.  
И в любую сторону,  
куда бы ты ни шла,  
небо летит с тобой рядом.  
Пересекая чьи-то миры на  
расстоянии взгляда,  
ты идешь,

ждешь -

молвите слово...

Молю – молви,  
небо,

Молчит.

Небо мокрое моё молчит,  
как и твоё в Берлине.

Люди кругом всё, люди...

#### IV.

Атомами по просторам  
разлетаться рано.  
Так и живем, Анна,  
по своим орбитам.  
Не “орбитом” единым,  
крупку стихотворной манны  
иногда поедаем,  
но уже не с тем аппетитом,  
как прежде.  
Смысла!  
Осмыслить бы,  
олюбовить  
всё вокруг,  
не спрашивая,

что нам за это будет.

Небо в моей голове

серое и сырое.

По памяти,

как по Берлинскому плац,

- люди всё, люди...

Мой рабочий атом

ищет,

ищет,

ищет.

Кто он?

Может быть, мысль,

а может быть сердце.

Рабочий атом

тычется во все стены,

надеясь на цепную реакцию.

А в стенах – цепные атомы,

усталые и злые.

Карма.

Карманы пусты

а на ярмарках густо.

Атом там скоморохом

выкидывает коленца.

Выпал из обоймы и целится в небо.

Небо молчаливое

в себя берет его,

странноприимное наше

летучее небо,

а оттуда видно

Анну в Берлине.

V.

Анна, наши игры просты.

Прости,

тень стиха

потрогал рукой я

без разрешения.

Извини, если вдруг

за живое задел.

Ветер прилетел  
южный, выюжный,  
с твоего неба кусочек,  
изюм без косточек...  
Сладко-мягкие голоса  
атомов небесных  
из туч –  
там  
ключ  
к твоим  
Брандербуржским воротам.

Скоро будет дождь.  
Он все расскажет,  
капля по капле,  
изольет душу,  
и зальет души наши  
раствором  
рабочих атомов:

Чан-Чак-Чука,

Женщины с Куклой,

Женщины с Коляской,

Самого Прекрасного и Любимого в Лакированных Туфлях,

и конечно же —

Жени Же,

и иже... и иже... и иже...

Люди.

Голоса.

Глаза.

Голоса.

Люди.

Дождь, Анна.

Дождь над твоим Берлином.

Мой дождь.

1998

## ГОРОД

(поэма - триптих)

### Часть 1. Блюз

Это было?

Но что-то опять не даёт в это верить...

Тень растёт за спиной,  
словно чёрные крылья.

Тень кивает в такт,  
утвердительно.

Проигравшие и победители  
в тесноте подвальных надежд на небо  
никогда не были слишком разными,  
никогда в своё сходство не верили.

Поэты-стрелки придумывали  
мишени из рук и сердец,  
слепец-проводжатый снова  
дорогу узрел в древнем лесу  
дремучего смысла.

И из леса из первозданного

Виталий Бурик Вероятностный мир  
жизнь давно уже выпита,

выкуплена и вдавлена  
в прокрустово ложе субординации.

Мне бы только вернуться вновь,  
мне бы только на миг задержаться,  
мне бы только успеть поверить  
и сказать без многосмысленных слов:  
это было.

1989

## **Часть 2. РоК-Осень**

Научи меня ветром осенним  
в парке листья срывать, говорят,  
это просто.

Так же просто, как стать  
неживым этой осенью.

Так же просто,  
как биться в окно зарешеченное  
хрупкой бабочкой,  
отзвуком женского имени...

Научи меня видеть цвет

Виталий Бурик Вероятностный мир  
крови в венах нашего века...

Нынче, пьяный, я не могу  
отличить луны на небе  
от луны в реке...  
луны в реке...

Босяком по песку...  
Рядом с насыпью...  
К морю, к морю...  
И в реке вода – всё туда...  
туда...

И луна в реке...

Гулом-жаром обдал,  
поезд прогромыхал  
колёсами по осени,  
над насыпью,  
над нами...

Тихо-тихо движется поезд,  
а по обе стороны - лихо.  
Растрясти - спросить - быстро скосят.  
Знай себе – сиди. Тихо.

Тихо...

Кто-то пел-хрипел

Виталий Бурик Вероятностный мир  
был смел.

Ветер смял – не допел.

Но колода карт  
снова не права –  
живы те слова,  
жгучие слова,  
с ними – боль его и любовь.

Девяностый. Уже девяностый.  
И кончается лето,  
и мало мы прошли стороною весны...

Научусь у осеннего ветра  
на руках держать тебя незримо.  
Научусь у воды губ твоих  
незаметно касаться в тиши этих сумерек.  
Ты прислушайся к шепоту волн –  
может это мой голос  
поселился в прибрежных камнях...

Скажешь: Где ты?  
Где ты потерялся?  
Как посмел уйти незамеченным?

Виталий Бурик Вероятностный мир  
А быть может, тебя вовсе не было?

В тех пространствах,  
шагая всегда семимильными,  
в ногу со временем нашим,  
уставшим и взмыленным,  
заплутал, не проснувшись,  
в прощании затянувшимся  
с непрожитым детством пугливым...  
Это рок, - скажешь ты, - это - рок.

Мы – не с вами.

Не здесь.

Мы ушли в эти сны.

Мы ушли.

1990

### **Часть 3. Баллада о воробьях**

Душный день измывался.

Измазанные, бежали машины в пыли городской.

И я, размытый и смазанный городом,

шёл, не спеша, пыля асфальтом,

и думал:

“Вот было бы здорово  
забраться на крышу и разглядеть,  
как день засиделся в гостях у Города,  
как под сахарной пудрой пыли пекутся:  
трава и волосы,  
дома и деревья,  
а выше – крыши.  
а выше – небо,  
тоже пыльное, как колпак кондитера”.

Небу пыль не к лицу,  
и – отказ от подарка непрошеного,  
дождь возвращает всё, что брошено  
Городом – в Небо.

А я – бежал от дождя.  
В кафе. За стойку,  
надежную, словно плечо участкового.  
Наблюдал в уюте кофейном людей.  
Их лица. Благопристойные,  
чаще – хмурые,  
реже – весёлые,  
но в общем – похожие, будто яблоки,  
которым всегда будет близко до яблони...

Кто-то гнусавил в тон “перестройке”,

старiku на ухо, молодой, бойкий,

« Сталин – враг, сволочь Берия.

да и все вы... Весёлое время!»...

Слыша это, хотелось орать:

а кому выпадет стать

этого времени гневным клеймителем!?

Но эту уверенность не пробьёшь

словами, разве что книжечкой...

И скучно. Как скучно

сквозь пыльные стекла кофейни

на город смотреть...

А может быть, в этот миг

мне хотелось петь?

Мне говорить хотелось о птицах,

цветах, астронавтах, поэтах и женщинах.

О море, о лодках и старике Хэме,

о плачущих утром росой травах,

о сонных китах и о блаженных.

И ещё – хотелось сказать,

что я не люблю своих стихов.

Что в этих стихах? Там что-то не так.

Не так о скитаниях и островах,

не так о песнях глазах и стеклах,

не так о любимых и любящих женщинах...

Из омута погружений мыслительных  
звонкой блесной вдруг меня выдернул  
женский вскрик: “Ой!”.

Причиной этого был котенок.

В зал воробья притащив,

игрушку славную,

он бегал и прыгал,

мурлыкал при этом,

выщипывал перья

из крыльев и хвостика.

Когти и зубы мелкого хищника,

так увлеченного древней игрой,

в мёртвую птицу всё глубже вонзались...

И, увлечен созерцанием игры,

я, как и он, совсем не думал:

о марках и книгах,

козлах и пришельцах,

поэтах и нищих,

и “Городе Солнца”.

Возможно, в этот момент я понял...

Но тут случайно мой взгляд коснулся  
лица незнакомки пугливой.

Я догадался, чем вызван испуг.

“Вы боитесь мышей?

Не бойтесь, могу вас обрадовать,  
это не мышь! Это, всего лишь,  
дохлый воробышек...

...забавно, не правда ли?!”...

1986

## ПАДЕНИЕ МАГА ГЕРМАГЕНА

(поэма-пунктир)

### 1. УТРО АЛХИМИКА

охра свинец ртуть  
расплавить и перемешать  
золото золото золото  
в витражах уже светло  
париж а холодно  
зыбь изморози стыло  
звенит в висках  
бессонной ночи  
домовым сверчком  
лечь и лежать  
долго долго ничком  
ничей париж  
и ничей ты  
как рецепт забытый  
золота золота золота

## 2. ПРАГА

прага где череп обглоданный конский  
спит в подворотне на узенькой улочке  
прага где ставни задраены накрепко  
где по ночам сторожа с колотушками  
прага где в стиснутых стенами комнатках  
из черепков тряпья и желания  
вырос голем и бродил неприкаянный  
всё ещё ждёт что окликнут по имени  
прага где каменными лабиринтами  
процесс над живыми кричит задыхается  
прага блаженных задворки империи  
неба шатер на шпилях болтается  
под любой черепицей что-то случается  
прага вязальная спица истории

### 3. БАЛТИЯ (СОН РЫБАКА)

Янтарь в руках не тает льдом,  
над дюной дом не воспарит,  
в развешенную пойман сеть...

И плачет чайка о былом,  
Излом отчаянья кричит,  
ломая тучу, точно клеть.

Где мокрых досок голоса -  
коса осок не укротит,  
соль на корнях - морская кровь...

Здесь неба серые глаза  
слеза сырым дождём студит...  
Кто ждёт тех лодок вновь?..

#### 4. ВОРОЖЕЯ

ворожея гадалка  
на улочке узенькой  
зывать не устанет  
зеваку безродного  
благородного юношу  
прачку с корзиною  
что с трудом пробивается  
улочкой узенькой

ворожея гадалка  
хватая за ниточки  
мимолетные судьбы  
текущие улочкой  
в них вплетёт пару слов  
и ухватит с изнаночки  
в их холстину вплетёт  
свои хитрые ниточки

ворожея гадалка  
их взгляды пытливые

их мольбы придыханья  
все мимо тебя пройдут  
пусть скорей утекут  
не коснувшись тебя  
сыскарей короля  
мимо взгляды пытливые

## 5. ГОМУНКУЛУС

известной жидкости немного  
в пустую крынку и тряпицей  
заткнуть плотнее горловину  
не джина старого темницей  
послужит до поры утроба  
обычной глиняной посуды  
где без дыхания и света  
густеют дни часы минуты

без материнского начала  
чтобы иною пуповиной  
все девять месяцев питало  
дитя неведомое силой

из мрака древних предсказаний  
и жгло не дышащее горло  
холодным воздухом дыханий  
бесплотного иного мира

что вдруг сгустится в нём глазами  
костями кровью крепким сердцем  
в исход девятого руками  
спешащими под солнцем греться  
разломит глиняные путы  
как скорлупу птенец голодный  
дитя науки не рожденной  
природы мифа сын безродный

## 6. СКОРО НОВОЕ ВРЕМЯ

Круги по воде просвещения ещё разойтись не успели,  
но яблоко Ньютона всё же успело упасть.

В колониях ждут каторжан грубых досок постели,  
на улицах Лондона великолепную грязь  
взбивают сметаной кареты и ноги ткачей,  
повозки, груженные шерстью овец тонкорунных.

Австралии ломоть ещё покуда ничей  
и мало зимою тепла от каминов чугунных.

В такое-то время родившись рабом не взыщи,  
на злую судьбу и посетовать речь не достанет.

Лишь виселиц стражники – вороны, галки, грачи -  
в судьбе бунтарей точки чёрными кляксами ставят.

## 7. КОЛОКОЛА

Готическая каменная песня  
Звонит в колокола поднявши руки  
И пальцем шпиля указуя в небо  
Бескрайность восхищает наши взгляды  
Раскаты колокольные печали  
И радости сливаясь воедино  
Уносят тучи скорби и утраты  
Подальше от сердец и очагов

И кажется что мир во славу песни  
Что бьётся в колокольных переливах  
Единою и тёплой волною  
Омоется от тягот и страданий  
Окрасится очнётся озарится  
Как в первый день неведомый творенья  
На гранях серебра литейных звуков  
Златою вечной песнею зари...

1996 - 2009

## ОГЛАВЛЕНИЕ

|                                              |         |
|----------------------------------------------|---------|
| ВЕРОЯТНОСТНЫЙ МИР. Глава 1. ВПЕЧАТЛЕНИЯ..... | стр. 3  |
| Жизнь вещей.....                             | стр. 3  |
| «Изгиб руки...».....                         | стр. 5  |
| К началу реки.....                           | стр. 6  |
| Глава 2. ТРИПТИХ ДЛЯ ДЕКАБРЯ И СНЕГА.....    | стр. 7  |
| Внутренний дом.....                          | стр. 7  |
| Ленивая муза.....                            | стр. 9  |
| Верлибр.....                                 | стр. 10 |
| Глава 3. ИНЬ.....                            | стр. 13 |
| «Жизни лодка...».....                        | стр. 13 |
| «Для вас...».....                            | стр. 14 |
| Без тебя.....                                | стр. 15 |
| «Продолжение движения...».....               | стр. 16 |
| Самообман.....                               | стр. 17 |
| Глава 4. ЯНЬ.....                            | стр. 18 |
| Снова весна.....                             | стр. 18 |
| Разговор не получается.....                  | стр. 19 |
| Зеркальце.....                               | стр. 20 |
| Глава 5. О НАС.....                          | стр. 21 |
| Антропология.....                            | стр. 21 |
| Китай.....                                   | стр. 23 |

|                                                       |         |
|-------------------------------------------------------|---------|
| «Землю в землю бросают...».....                       | стр. 25 |
| «Вянут сорванные цветы...».....                       | стр. 25 |
| Вероятностный мир.....                                | стр. 26 |
| Зонт.....                                             | стр. 27 |
| «В пёстром пиджаке...».....                           | стр. 28 |
| Глава 6. О НЕЙ.....                                   | стр. 29 |
| Соскользнувшая с крыши.....                           | стр. 29 |
| Ожерелье.....                                         | стр. 32 |
| Девушка.....                                          | стр. 33 |
| «Как зовут тебя? Имя своё скажи...».....              | стр. 34 |
| Глава 7. ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ.....                       | стр. 35 |
| «Как птицы весной, возвращаюсь на круги своя...»..... | стр. 35 |
| «В моём отражении просто живёт...».....               | стр. 36 |
| «Бессоннице глядеть в тревожные глаза...».....        | стр. 37 |
| Посвящение отцу.....                                  | стр. 38 |
| Эпитафия.....                                         | стр. 39 |
| «Напомни дорожную песню...».....                      | стр. 40 |
| «Кузнечиковый луг мне снова снится...».....           | стр. 41 |
| Стихам.....                                           | стр. 42 |
| Из сборника МНОГОТОЧИЕ.....                           | стр. 43 |
| Игра.....                                             | стр. 43 |
| Новые разговоры.....                                  | стр. 45 |
| Поход в межсезонье.....                               | стр. 47 |

|                                        |          |
|----------------------------------------|----------|
| «Дорожная жизнь...».....               | стр. 48  |
| Восемнадцатилетней блаженной.....      | стр. 49  |
| «Минуя тамбуры, вагоны...».....        | стр. 51  |
| Удержи нас в зените.....               | стр. 53  |
| Снова осень.....                       | стр. 54  |
| Дух глубинки.....                      | стр. 56  |
| В дорогу.....                          | стр. 57  |
| «И ты её пройдёшь до половины...»..... | стр. 57  |
| Девушки Китая.....                     | стр. 59  |
| Ливни.....                             | стр. 60  |
| Большое письмо Тане Зиме.....          | стр. 61  |
| «Выпускали птичку из клетки...».....   | стр. 63  |
| Молитва.....                           | стр. 65  |
| ПОЭМЫ.....                             | стр. 66  |
| Джаз.....                              | стр. 66  |
| Путь паяца.....                        | стр. 83  |
| Беглецы.....                           | стр. 91  |
| Анна в Берлине.....                    | стр. 93  |
| Город.....                             | стр. 103 |
| Падение мага Гермагена.....            | стр. 112 |
| ОГЛАВЛЕНИЕ.....                        | стр. 120 |